

УДК 81'373+81-119

ЛОБАНОВА Лидия Петровна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автор 52 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий, двух книг научных переводов по философии языка XVIII века, одного сборника избранных статей

ЭНЕРГЕЙТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КУЛЬТУРЫ МИРА

Концепция языковой картины мира (*Weltansicht*) В. фон Гумбольдта была развита впоследствии Л. Вайсгербером, поставившим в центр своей теории языка гумбольдтовскую идею языка как непрерывной деятельности, а не законченного продукта, т. е. энергеи, а не эргона. В соответствии с этим язык следует изучать с учетом того, что он содержит в себе как статическую картину мира (*Weltansicht*) в качестве системы языковых содержаний, так и динамическую (*Weltbild*) в качестве процесса языкового освоения мира, или ословливания мира (*Worten der Welt*). При описании этой динамической, или энергейтической, картины мира Вайсгербер прибегает к лингвистическому методу, который обозначает терминологически *языковым приемом (sprachlicher Zugriff)*.

Ключевые слова: языковая картина мира, мировидение, энергеи, ословливание мира, языковой прием.

Концепция языковой картины мира, сформировавшаяся в русле немецкой философии языка XVIII века и впервые предложенная в развернутом виде В. фон Гумбольдтом, получила свое дальнейшее развитие в теории языка Л. Вайсгербера в расширенном осмыслении, мало изученном в отечественном языкознании. Основательный труд О.А. Радченко [4] посвящен неогумбольдтианству в целом, и в нем вполне понятным образом не могли быть рассмотрены подробности теории языка Вайсгербера, особенность которой заключается в разделении языковой картины мира как эргона и

как энергеи. Опираясь на мысль Гумбольдта о том, что каждый язык содержит в себе самобытную картину мира (*Weltansicht*), и исходя из идеи языка как «вечно возобновляющейся работы духа» [6, с. 418], как «силы духовного формирования» [11, с. 13], Вайсгербер разделяет языковую картину мира в подходах к ее описанию на статическую (*Weltansicht*) и энергейтическую (*Weltbild*).

Языковую картину мира в перспективном ракурсе, перспективном впечатлении как *Weltansicht* можно, согласно Вайсгерберу, понимать статически в смысле «полноты языковых

содержаний, рассматриваемых как эргон» [16, с. 16], как «произведение» (Werk). Понятие языковой картины мира как *Weltbild* является более сложным: оно включает в себя «всю сферу того, что подразумевается в словах Гумбольдта о “*Weltansicht der Sprache*”, т. е. полноту “результатов” духовного рода, присутствующих в каждом языке и <...> являющих нам уже духовный космос» [16, с. 31], но не исчерпывается этими результатами и требует рассмотрения языка как процесса духовного формирования, описания того способа, которым язык осваивает мир, т. е. «живого действия» (Wirken) языка. В таком динамическом рассмотрении языка, при котором он открывается как энергия и которое выдвигает «на первый план в каждом отдельном языке и явлении языка духовное формирование и преобразование мира» [16, с. 17], Вайсгербер также опирается на Гумбольдта, который пишет: «Язык нельзя разложить подобно природным телам, он даже и не материал, имеющийся в наличии в данной им массе слов и правил, а свершение, духовный процесс, как жизнь [есть процесс] телесный. Ничто, к нему относящееся, не может сравниваться с анатомическим подходом, но только с физиологическим, ничто в нем не статично, но все только динамично. И мертвые языки не составляют исключения. Что в них исследуется – есть мысль былых времен, которую они удерживают, а мысль есть всегда живое дыхание <...>. Со стороны своего живого действия должен поэтому рассматриваться язык» [5, с. 38]. Соответственно этому, Вайсгербер подразделяет описание языковой картины мира (в ее лексической и грамматической части) на статическое, включая его в свою «Содержательную грамматику» (*inhaltbezogene Grammatik*), и энергетическое, которое называет «полным языкознанием».

«“Живое действие” языка можно рассматривать в разных отношениях – а) как формирующую силу в духовной сфере, б) как творческую силу, участвующую в общем культурном процессе и в) как силу, участвующую в историческом процессе. Понимание того, что картина мира, заключенная в языке, не статична,

но представляет собой “нечто деятельное, пребывающее в деятельности”» [11, с. 14], расширяется динамическим пониманием языковой общности как общности образа жизни и поведения, из чего Вайсгербер делает вывод (тоже вслед за Гумбольдтом), что язык находится «в самом непосредственном взаимодействии со всеми силами человека», что он «задействован во всех его трудах как дающий и берущий» [11, с. 15], так что созидание культуры и строение языковой картины мира в своих формах и своих результатах взаимно обуславливают друг друга.

Главное отличие языковой способности человека от его чувственных способностей в целом Вайсгербер видит в том, что благодаря ей «чувственные элементы могут быть использованы для реализации определенной формы духовного одоления жизненных нужд человека» [14, с. 7], которое происходит с помощью языка и которое должно рассматриваться как процесс духовного формирования мира. При этом развертывание языковой способности ведет не к воспроизведению внешнего мира, не к репродуктивному именованию предметов и явлений, а к продуктивному формированию воспринятого «по-человечески» мира. Любое языковое явление следует рассматривать, таким образом, как форму действия языковой способности человека. Поэтому две другие из четырех ступеней изучения языков относятся к энергетическому подходу, при котором язык понимается «не как некий состав результатов, а как процесс развертывания языка» [14, с. 266]. Этот процесс носит двоякий характер. Во-первых, это основная работа языка по языковому освоению мира, языковое формирование, ословливание мира [3]. Во-вторых, после того, как языковое оформление мира обретает значимость, силу закона, оно становится источником (воз)действий, заметных везде, где включается в работу этот словарный состав.

Методический переход от содержательной грамматики (т. е. статического описания) к энергетическому рассмотрению языка (т. е. «полному» языкознанию) Вайсгербер считает необходимым, поскольку это дает возможность

выявить первичную работу языка, определив его первичные результаты (Leistungen), и описать его продуктивность. «Первичная работа языка, – поясняет он, – это все, что участвует в языковом превращении и ведет к родноязычному формированию мира. Это касается как каждого отдельного слова, так и других единиц языка, и таким образом анализ продуктивности языка проверяет каждое отдельное явление на его вклад в ословливание мира» [14, с. 18]. Изучение *продуктивности* (Leistung) языка в освоении мира можно понимать как развитие мысли Гумбольдта о порождающей силе языка и попытку создать инструмент ее описания, а изучение *эффективности* (Wirkung) языка направлено на его взаимодействие с другими сферами культуры, на выявление того, «как своеобразие какого-то родного языка сказывается на самобытном формировании культурных достижений, в создании которых играет роль родной язык» [13, с. 267]. Если применить это конкретно, например, к теории слова, то задачей исследования продуктивности языка является установление того, что *совершает* (leistet) какое-то слово в языковой общности и для языковой общности, а исследование эффективности языка имеет своей целью ответ на вопрос о том, «какие последствия влечет за собой это свершение (Leistung) везде, где применяется этот элемент языка» [13, с. 270]. В качестве наиболее яркого примера Вайсгербер приводит лозунговые, «ударные» слова (Schlagwörter) *толерантность* и *просвещенность*, *капитализм* и *клерикализация*, *принцип руководства* и *экономическое чудо*, поскольку в этом случае наблюдение особенно явных воздействий уже является критерием отбора (сегодня к таким словам можно отнести, например, *права человека*, *толерантность* и *политкорректность*, *цивилизованность*, *гуманитарные* и *социальные программы*, *инвестиционный климат*, *инновационное мышление*, *эффективный менеджмент* и т. п.).

Энергетическое рассмотрение языка предполагает, согласно Вайсгерберу, различные ступени исследования. Первым шагом является получение данных о «полагании умствен-

ных предметов» (Setzen geistiger Gegenstände), открывающих пути изучения взаимодействия языковой общности и родного языка. От представления о полагании осуществляется переход к идее *значимости* (Geltung), предполагающей, что «положенная», т. е. установленная, норма (gesetzte Norm) является источником постоянных (воздействий) (Wirkungen), посредством которых обеспечиваются определенные способы действий и поведения людей. Отсюда, считает Вайсгербер, можно сделать принципиальные выводы, позволяющие в «полагании умственных предметов» увидеть философскую проблему конституирования предмета, а затем обнаружить и роль языкового приема, так что вопрос о *направленности языковых приемов* становится методическим центром исследования. Это очевидно также в его дефиниции языкового приема и его направленности: «Под языковыми приемами мы понимаем отдельные конкретные акты оформления мира в каком-то отдельном языке. Каждое слово, каждое синтаксическое целое является, с точки зрения работы языка, таким приемом. Чувственная способность предлагает при этом звуковую форму (в самом широком смысле), а духовное усилие (Leistung) заключено в направлении действия языкового превращения в усвоении. Это есть основной процесс ословливания. Чтобы судить о нем, мне нужно, таким образом, в первую очередь знать направление его действия. Отсюда и вопрос о направленности языковых приемов: какие условия обеспечивают какому-то элементу языка его постоянную умственную направленность, и как мы можем понять и описать эти условия?» [15, с. 95].

Поскольку под грамматическим анализом Вайсгербер понимает описание языка как эргона, то тем самым языковые акты (Sprachakte) подпадают под это опредмечивание, становясь методически языковыми средствами (Sprachmittel), содержание и продуктивность которых поддается описанию. Что же касается языковых содержаний, то здесь корреляция с соответствующим «умственным предметом» означает гораздо более существенное вмешательство

в фактическое положение вещей, поскольку слишком легко могут примешиваться внеязыковые факты: «это смешение языкового и вещного показывает доминирующий тип описания содержания в форме описания вещей» [12, с. 75]. Нацеленность на энергетическое описание оттесняет примешивание вещей на задний план, выдвигая на передний план сами способы действия языка. Несомненным продвижением в этом направлении Вайсгербер считает работы Э. Лейзи [8] и Э. Оксара [9], в которых вводится описание содержания как *нормы употребления* (*Gebrauchsnorm*) или (что он считает более предпочтительным) как *нормы значимости* (*Geltungsnorm*), хотя подчеркивает, что и этот путь таит в себе опасность недостаточно четкой границы между формирующей силой и тем, что предметно оформлено. (Заметим, что А.И. Кузнецова [1] обращает внимание также на предшественников Э. Оксара: Г. Стерна и Г. Сандегрена).

Таким образом, языковые содержания в энергетическом освещении подлежат рассмотрению с двух сторон. Центральным вопросом становится определение того направления, в котором действует языковая способность. Это требование вытекает из понимания языковых содержаний как действенных норм (*wirksame Normen*). Описание всего комплекса условий позволит обнаружить, какие устойчивые духовные воздействия возникают в результате полагания какого-либо языкового средства. В любом случае необходимо преодолеть соотнесенность с вещью, поэтому речь не должна идти о «нормах употребления» как условиях объективного мира, которые подлежат выполнению, поскольку из этого, безусловно, немаловажного отношения собственно языковой аспект можно выявить лишь через анализ полагания самого этого комплекса условий. Понятие «нормы значимости» (*Geltungsnorm*) в духе Э. Лейзи представляется Вайсгерберу на порядок более энергетическим из-за идеи

силы закона (в слове *Geltung*), однако же еще и само *действие* закона требует, с его точки зрения, освобождения от статического понимания. Если оно переводится из статического рассмотрения в энергетическое, то речь идет тем самым не о существующих правилах систематизации, а о фундаменте устойчивого метода, способа действия.

Именно для правильного решения этой задачи Вайсгербер и вводит понятие языкового приема, которое становится ключевым, указывая путь энергетического исследования языка и являясь энергетической оппозицией статическому понятию языкового содержания, или языкового понятия. «Существует, конечно, связь между ним и идеей языковых понятий¹, — пишет он. — Но если описание понятия подводит нас прежде всего к “содержанию” результата, то обозначение “прием” вынуждает к тому, чтобы больше принимать во внимание условия осуществления. Если мы, таким образом, исходя из принципиального понимания всей сферы языка (*alles Sprachlichen*) как формы действия языковой способности, видим в каждом слове, в каждом синтаксическом элементе языковой прием, то опираемся тем самым на правильный метод. Но даже и здесь, по-видимому, едва ли можно избежать “рецидивов” в возврате к описаниям условий внешнего мира» [12, с. 76]. Те же самые методы, которые позволяют обнаружить языковую картину мира какого-то языка, применимы для сопоставления языковых приемов в разных языках. Особо Вайсгербер подчеркивает необходимость систематизации результатов сопоставительных исследований звуковых форм, различий «значений» слов (как, например, нем. *Blume* и фр. *fleur*, нем. *Schlag* и фр. *coup*, нем. *gehen* и фр. *aller*, нем. *sein* и фр. *être*), так называемых непереводаемых слов (например, греч. *λόγος*, лат. *res*, нем. *Wesen* и т. п.), различий в системах флексий, в способах построения предложений в близкородственных языках и расширении

¹ Здесь Вайсгербер имеет в виду родственность слов за счет общего корня: языковое понятие – *sprachlicher Begriff*, языковой прием – *sprachlicher Zugriff*.

этого круга сопоставлений с включением большего числа неродственных языков.

В попытках дефинирования понятий «языковой прием» и «направленность языкового приема» заметно представление Вайсгербера о диалектической связи динамики и статики. «Что полагаемый знак переводит человека от преимущественно репродуктивной роли к возможности преимущественно духовного формирования, было ясно. Это признак того, что можно назвать языковым приемом (*Zugriff*) в подходе к существу. Применяя такой языковой прием, человек может сформировать (*formen*) для себя из какого-то процесса, из какого-то впечатления некое духовное содержание и, закрепив, постоянно удерживать его» [15, с. 94]. Задача энергетического рассмотрения языковых содержаний предполагает, что необходимо «грамматические выводы о языковых содержаниях перевести в понимание скрывающихся за ними действительных языковых приемов и тем самым обнаружить результаты, ставшие доступными для сознания в форме “умственных предметов”, в их истинной сущности как акты языкового оформления мира» [12, с. 74]. «И тем самым, – пишет Вайсгербер, – вновь выступает на первый план мысль о направленности языковых приемов как доминирующая: если в языковой общности с помощью языковых средств определенные направления способа действия обретают постоянную значимость и обязательность, то смысловое осуществление может быть обеспечено только в том случае, если направленность применяемых языковых приемов достаточно управляема. Именно придание и поддержание этой направленности и есть подлинный языковой процесс» [12, с. 78–79]. Задача энергетического исследования языка состоит в том, чтобы обнаружить «силы, импульсы и цели» этих языковых вмешательств, найти корни этого процесса, поскольку лишь в этом контексте можно увидеть работу языка и ее результаты.

Здесь необходимо сделать некоторые замечания к терминологии. Слово *Zugriff* представляет значительные трудности для перевода, которые отмечает О.А. Радченко, справедливо

указывая, что Вайсгербер «характеризует каждое языковое средство как <...> очерчивание, извлечение и языковое оформление конкретного фрагмента окружающей действительности, что и составляет приблизительно содержание трудно переводимого термина *Zugriff*» [4, с. 267]. Это слово может иметь несколько переводных эквивалентов в русском языке в зависимости от контекста (большую часть их можно было бы передать выражением «хватка языка», но оно, к сожалению, слишком не терминологично). Наиболее соответствующими тому смыслу, который вкладывает в это слово Вайсгербер, являются, как нам кажется, два термина, употребляемые в информатике – *доступ*, *обращение* (к памяти ЭВМ, базе данных и т. п.) и *извлечение*, *выборка* (из памяти ЭВМ, из базы данных и т. п.). Для перевода выражения *sprachlicher Zugriff* можно употреблять в отдельных случаях русский эквивалент *языковой подход* (к миру), иногда *языковое вмешательство* (в мир), но преимущественно *языковой прием* (освоения мира).

Основанием для этого служит тот факт, что Вайсгербер во всем следует в своей теории языка теми путями, которые проложил Гумбольдт, расширяя и развивая их. Это отражается и в терминологии: *языковой прием* продолжает традицию Гумбольдта, употреблявшего выражения *техника обозначения* и *грамматическая техника языка* [2, с. 296–322]. Что касается техники обозначения, то под ней Гумбольдт понимает не только простое обозначение предметов мира, но, в частности, категоризацию, подразделение слов на обозначающие предметы, свойства и действия. Он подчеркивает, что такая классификация поможет лучше понять технику обозначения, в отношении которой особенно важно изучение словообразования, свидетельствующего «о выборе слов для вещей и понятий согласно другим, выявленным в них или отнесенным к ним понятиям. Хотя эти понятия поддаются распознаванию в словах далеко не всегда, чрезвычайно важно все же обнаружить те, которые можно распознать, не только потому, что лишь из этого проступает довольно

отчетливо данная в языке его индивидуальная картина мира, но и потому, что весь способ обозначения через родство понятий, субъективное и объективное, является одной из самых удивительных сторон языка» [5, с. 111].

Применительно к синтаксису Гумбольдт использует термин *грамматическая техника* языка, изучение которой представляет собой труднейшую задачу: 1) определить и описать наиболее ясным и простым образом, в чем заключается сущность грамматического оформления языка как такового, «выделить это грамматическое оформление, столь нераздельно облегающее выражение мысли, столь незаметно ускользающее от наблюдения, и удержать его, показать, от чего оно зависит в уме и как оно обратным образом воздействует на него» [7, с. 338]; 2) установить, какие виды грамматических отличий вообще возможны, найти принцип грамматического своеобразия отдельных языков и их отношений друг к другу, обнаружить естественные и исторические причины возникновения этого своеобразия и «подготовить ясное и определенное понимание грамматической техники рода человеческого» [7, с. 338]. Добавим, что и само разделение на статическое и энергетическое описание развивает мысль Гумбольдта о языке как картине мира и языке как методе, которым он созидает эту картину мира.

Понятие языкового приема составляет в концепции Вайсгербера своего рода методическую оппозицию понятию языкового содержания. Если языковое содержание является методически единицей описания статической языковой картины мира, то языковой прием является методически единицей описания энергетической языковой картины мира. «Духовная сторона языковых целостностей, попытка утверждения которых под названием языковых содержаний предпринята в содержательной грамматике, –

пишет Вайсгербер, – представляется энергетическому взгляду как языковой прием, как акт языковой способности в языковом оформлении мира. Это относится ко всем формам задействованности языковой способности, но в первую очередь – к общественной форме с ее установленными на долгие века значимостями. Каждое слово немецкого, английского языка “обладает значимостью”, т. е. вместе с принятой звуковой формой действует одновременно духовный прием, постоянная значимость которого обеспечена совокупной языковой способностью языковой общности» [14, с. 18].

Что касается критериев научного понимания и определения понятия языкового приема и его направленности, то, согласно Вайсгерберу, «первая группа критериев обнаружится, если методы, с помощью которых содержательная грамматика пытается описать установленные содержания, переосмыслить в энергетическом направлении. Вторая группа должна изучать области, в которых осуществляется языковая способность, т. е. некоторым образом обнаруживать сферы ословливания» [14, с. 18]. Критерии содержательной грамматики, представляющие собой перспективный ракурс, точки зрения, обуславливающие определенность языковых содержаний, описывают, по сути, характер направленности языковых приемов при энергетическом рассмотрении языка. «Критерии определенности содержаний, – пишет Вайсгербер, – могут рассматриваться как факторы направленности приемов и тем самым возвращаются к их подлинному истоку» [14, с. 19].

Состав и направленность языковых приемов как методический подход к энергетическому изучению языка Вайсгербер обосновал в работе «Направленность языковых приемов» [10], опубликованной в юбилейном сборнике, посвященном Э. Ротхакеру.

Список литературы

1. Кузнецова А.И. Рец. на кн.: Els Oksaar. Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit. 1958 // Вопр. языкознания. 1959. № 4. С. 127–128.

2. Лобанова Л.П. Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. М., 2013. 409 с.
3. Лобанова Л.П. Понятие ословливания мира в теории языка Л. Вайсгербера // Вопр. психолингвистики. 2013. № 2(18). С. 26–35.
4. Радченко О.А. Язык как мирозидание. Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М., 2006. 312 с.
5. Humboldt W. von. Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus (1824–1826) / hrsg Ch. Stetter. Berlin; Wien, 2004. S. 33–144.
6. Humboldt W. von. Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (1830–1835) // Humboldt W. von. Werke in fünf Bänden / hrsg A. Flitner und K. Giel. Band 3. Darmstadt, 1963. S. 368–756.
7. Humboldt W. von. Von dem grammatischen Baue der Sprachen (1827–1829) // Wilhelm von Humboldts Werke / hrsg A. Leitzmann. Band 6. Zweite Hälfte. Berlin, 1907. S. 337–486.
8. Leisi E. Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen. Heidelberg, 1953. 119 S.
9. Oksaar E. Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit: Plötzlich, schnell und ihre Synonymik im Deutsch der Gegenwart und des Früh-, Hoch- und Spätmittelalters. Stockholm, 1958. 553 S.
10. Weisgerber L. Die Gerichtetheit der Sprachzugriffe // Konkrete Vernunft. Festschrift für Erich Rothacker / hrsg G. Funke. Bonn, 1958. S. 281–287.
11. Weisgerber L. Die Sprache unter den Kräften des menschlichen Daseins. Düsseldorf, 1949. 49 S.
12. Weisgerber L. Die sprachliche Gestaltung der Welt. Düsseldorf, 1962. 455 S.
13. Weisgerber L. Die wirkungsbezogene Sprachbetrachtung // Wirkendes Wort 13. Heft 5. 1963. S. 264–276.
14. Weisgerber L. Grundformen sprachlicher Weltgestaltung. Köln; Opladen, 1963. 56 S.
15. Weisgerber L. Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik. Düsseldorf, 1962. 431 S.
16. Weisgerber L. Vom Weltbild der deutschen Sprache. I. Halbband. Die inhaltbezogene Grammatik. Düsseldorf, 1953. 267 S.

References

1. Kuznetsova A.I. Review of the Book: Els Oksaar. Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit. 1958. *Voprosy yazykoznanija*, 1959, no. 4, pp. 127–128 (in Russian).
2. Lobanova L.P. *Kontseptsiya yazykovoy kartiny mira i ee istoki v trudakh Vil'gel'ma fon Gumbol'dta* [The Concept of Linguistic Worldview and Its Origins in the Works of Wilhelm von Humboldt]. Moscow, 2013. 409 p.
3. Lobanova L.P. *Ponyatie oslovlivaniya mira v teorii yazyka L. Vaysgerbera* [The Concept of the Wording of the World in L. Weisgerber's Language Theory]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2013, no. 2 (18), pp. 26–35.
4. Radchenko O.A. *Yazyk kak mirosozidanie. Lingvofilosofskaya kontseptsiya neogumbol'dtianstva* [Language as World Outlook. The Linguo-Philosophical Concept of Neo-Humboldtism]. Moscow, 2006. 312 p.
5. Humboldt W. von. *Grundzüge des allgemeinen Sprachtypus (1824–1826)*. Hrsg. Ch. Stetter. Berlin, Wien, 2004, pp. 33–144.
6. Humboldt W. von. *Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues und ihren Einfluß auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts (1830–1835)*. Humboldt W. von. *Werke in fünf Bänden*. Hrsg. A. Flitner, K. Giel. Vol 3. Darmstadt, 1963, pp. 368–756.
7. Humboldt W. von. *Von dem grammatischen Baue der Sprachen (1827–1829)*. *Wilhelm von Humboldts Werke*. Hrsg. A. Leitzmann. Vol. 6. Zweite Hälfte. Berlin, 1907, pp. 337–486.
8. Leisi E. *Der Wortinhalt. Seine Struktur im Deutschen und Englischen*. Heidelberg, 1953. 119 p.
9. Oksaar E. *Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit: Plötzlich, schnell und ihre Synonymik im Deutsch der Gegenwart und des Früh-, Hoch- und Spätmittelalters*. Stockholm, 1958. 553 p.
10. Weisgerber L. *Die Gerichtetheit der Sprachzugriffe. Konkrete Vernunft. Festschrift für Erich Rothacker*. Hrsg. G. Funke. Bonn, 1958, pp. 281–287.
11. Weisgerber L. *Die Sprache unter den Kräften des menschlichen Daseins*. Düsseldorf, 1949. 49 p.
12. Weisgerber L. *Die sprachliche Gestaltung der Welt*. Düsseldorf, 1962. 455 p.
13. Weisgerber L. *Die wirkungsbezogene Sprachbetrachtung. Wirkendes Wort 13*. Iss. 5. 1963, pp. 264–276.
14. Weisgerber L. *Grundformen sprachlicher Weltgestaltung*. Köln, Opladen, 1963. 56 p.

15. Weisgerber L. *Grundzüge der inhaltbezogenen Grammatik*. Düsseldorf, 1962. 431 p.
16. Weisgerber L. *Vom Weltbild der deutschen Sprache. I. Halbband. Die inhaltbezogene Grammatik*. Düsseldorf, 1953. 267 p.

Lobanova Lidiya Petrovna

Faculty of History, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

ENERGETIC EXPOSITION OF LINGUISTIC WORLDVIEW

W. von Humboldt's concept of linguistic worldview (*Weltansicht*) was further developed by L. Weisgerber who put Humboldt's idea of language as an ongoing activity and not a completed work, i.e. *energeia* and not *ergon*, at the centre of his own language theory. Accordingly, language is to be studied as containing both the static worldview (*Weltansicht*), being a system of linguistic contents, and the dynamic one (*Weltbild*), being a process of linguistic world exploration or wording (*Worten der Welt*). Describing this dynamic or energetic worldview, Weisgerber employs linguistic techniques using the term linguistic grasp (*sprachlicher Zugriff*).

Keywords: *linguistic worldview, world outlook, energeia, wording the world, linguistic grasp.*

Контактная информация:

адрес: 119991, Москва, Ломоносовский просп., д. 27, корп. 4;

e-mail: lydia.lobanova@mail.ru

Рецензент – *Поликарпов А.М.*, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации института филологии и межкультурных коммуникаций Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова